

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ В. Е. ДАВИДОВИЧА

УДК 364.614.8

DOI 10.18522/2227-8656.2022.1.1

Тип статьи в журнале – научная

СПРАВЕДЛИВОСТЬ: СТАРЫЕ НОВЫЕ РАКУРСЫ ПРОБЛЕМЫ

JUSTICE: OLD NEW PERSPECTIVES OF THE PROBLEM

© 2022 г.

Е. В. Золотухина-Аболина*

© 2022

E. V. Zolotukhina-Abolina*

* Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования. Автор ставит своей задачей, с одной стороны, указать на универсальные проблемы, делающие справедливость чрезвычайно сложной темой, а с другой – показать, какие сюжеты справедливости вышли на первый план сегодня, что они привнесли в классический набор вопросов о справедливости.

The purpose of the study. The author aims, on the one hand, to point out the universal problems that make justice an extremely difficult topic, and on the other hand, to show which subjects of justice have come to the fore today, what they have brought to the classic set of questions about justice.

Методологическая база исследования. Справедливость/несправедливость видится автору статьи как ценностно-коммуникативное отношение, строящееся вокруг сюжета «равенство – неравенство», «поведение – воздаяние» и несущее в себе огромный заряд субъективности: то, что считается справедливым, зависит от ведущих ценностей.

Methodological basis of the research. Justice/injustice is seen by the author of the article as a value-communicative attitude built around the plot "equality-inequality", "behavior-retribution", and carrying a huge charge of subjectivity: what is considered fair depends on the leading values.

Результаты исследования. Универсальные трудности изучения темы, по мнению автора, таковы: прежде всего, невозможно установить справедливость без стремления приверженцев разных ценностей (интересов, целей) найти ценностное согласие, найти «сферу между» с другим. В статье отмечается, что ведущей темой справедливости/несправедливости исторически всегда было социальное и материальное неравенство, закамуфлированное имитацией равенства всех перед рынком в рыночном обще-

Research results. Universal difficulties of studying the topic, according to the author, are: first of all, the inability to establish justice without the desire of adherents of different values (interests, goals) to find a value agreement, to find a "sphere between" with another. The article notes that the leading theme of justice/injustice has historically always been social and material inequality, camouflaged by the imitation of equality of all before the market in a market society. However, in these days of revaluation of values, the theme of jus-

стве. Однако в наши дни переоценки ценностей тема справедливости/несправедливости переносится также в новые сферы. Так, сомнение по поводу ценности устойчивой половой идентичности порождает дебаты вокруг того, справедливо ли по отношению к трансгендерам именовать женщину женщиной, а мужчину – мужчиной. Пересмотр ценности воли большинства приводит к требованию «справедливой власти» для меньшинств. Постмодернистский отказ от ценности правды и истины объявляет «справедливым» радикальный пересмотр истории с низвержением прежних героев и кумиров. Полем тотальной несправедливости становятся СМИ, отказавшиеся от доказательности, без которой справедливость невозможна. Острой проблемой является и игнорирование ценности качественной оценки, повсеместный переход на чисто количественные оценки в баллах, рейтингах и занятых местах. В статье обсуждается также вопрос об абстрактности нормативных теорий справедливости, которые игнорируют иррациональность многих проявлений людей, их склонность к страстям, ожесточению, обидчивости и стремлению вместо справедливости быть в выигрыше во что бы то ни стало.

Перспективы исследования. Технизация и информатизация общества, а также новые типы социальных отношений формируют запрос на создание новых подходов к определению и исследованию социальной справедливости в современном мире.

Ключевые слова: справедливость; несправедливость; равенство; неравенство; воздаяние; наказание; награда; субъективность; конфронтация; квантификация

tice/injustice is also being transferred to new areas. So the doubt about the value of a stable sexual identity generates a debate around whether it is fair to transgender people to call a woman a woman and a man a man. The revision of the value of the will of the majority leads to the demand for "fair power" for minorities. The postmodern rejection of the value of truth and truth declares "just" a radical revision of history with the overthrow of former heroes and idols. The field of total injustice is becoming the media, which refused evidence, without which justice is impossible. Ignoring the value of qualitative assessment, the widespread transition to purely quantitative assessments in scores, ratings and occupied places is also an acute problem. The article also discusses the question of the abstractness of normative theories of justice, which ignore the extrarationality of many manifestations of people, their tendency to passion, bitterness, resentment and the desire to win instead of justice at all costs.

Prospects for the study. The technization and informatization of society, as well as new types of social relations, form a demand for the formation of new approaches to the definition and study of social justice in the modern world.

Keywords: justice; injustice; equality; inequality; retribution; punishment; reward; subjectivity; confrontation; quantification

Постановка проблемы. Эта статья посвящена 100-летию со дня рождения моего отца – Всеволода Евгеньевича Давидовича. Отец принадлежал к той плеяде авторов, которые после идеологической оттепели 60-х гг. впервые за много лет обратились в Советском Союзе к тематике человека, свободы, культуры, ценностей, идеалов, стали выстраивать гуманистическую линию отечественной философии. Об этом говорят

названия его работ: «Общество и личность» (Давидович, 1962), «Проблемы человеческой свободы» (Давидович, 1967), «Кто ты, человечество? Теоретический портрет» (Давидович, 1975), «Теория идеала» (Давидович, 1983), «Сущность культуры» (Жданов, 1979), «Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности» (Давидович, 1989). Отец любил философию, был глубоко увлечен идейными и нравственными поисками, верил в благие перспективы человечества и был в этом смысле большим романтиком. Любовь к живой и деятельной теоретической мысли он передал и мне, и моему сыну, своему внуку – Всеволоду Золотухину, который тоже стал философом, и в этом смысле мы – философская династия.

Для статьи, посвященной памяти моего отца, философа и социального мыслителя, я выбираю одну из самых, быть может, сложных и многоплановых тем, его волновавших, – тему справедливости. В книге о справедливости, посвященной этому сюжету (Давидович, 1989), отец рассматривает ряд проблем справедливости/несправедливости, исходя из их марксистского понимания, основываясь на идеях социалистического гуманизма, которые в конце 80-х гг. еще не были ни поставлены под сомнение, ни отвергнуты. Он обращается к таким вопросам, как теоретический облик справедливости и ее исторические модификации, экономические предпосылки истолкования справедливости и связь ее с темой равенства, видение справедливости через призму гуманизма, рассмотрение ее как ценности социалистической демократии, исследует ее как личную добродетель. В более позднем труде, датированном 1997 г., уже после социального слома начала 90-х гг., в разделе «Вечные ценности как условие развития и расцвета человеческого рода» он подчеркивает драматизм и трагичность произошедших перемен, тот вал несправедливости, который захлестнул страну: «Наши тяжелые проходы в России и в других республиках бывшего СССР от того, что называли “социализм”, к тому, что именуют “возврат в цивилизованное общество”, породили много того, что явно несправедливо. И это видят и осуждают миллионы и миллионы людей. Лидеры благодушны и многообещающи. Народ по-пушкински “безмолвствует”. Это не может не тревожить. Надо понять всем, от кого зависят те или иные шаги в определении дальнейшей траектории социальной истории, что со справедливостью шутить нельзя» (Давидович, 1997. С. 428). И страницей позже отмечает: «Суть справедливости, необходимость ее кристаллизации в общественном сознании состоит в том, чтобы установить, найти, сконструировать мерку для человеческих свершений. Это выражение мерности деятельности, как бы ее резюмирующая сторона. Справедливость есть мера-оценка,

ориентированная на установление “веса” поступка, ранжированного по существующей в конкретном обществе иерархии ценностей» (Давидович, 1997. С. 429).

В своем размышлении я буду отталкиваться от этой высказанной В. Е. Давидовичем мысли: справедливость – это в огромной степени *мерно-ценностная* характеристика, причем говорить о справедливости в ее ценностном аспекте практически невозможно без противопоставления справедливость – несправедливость. Собственно, кого волновал бы вопрос о справедливости, если бы она была всеобщей нормой социальной жизни, естественным проявлением общественного бытия? Люди тогда, наверное, не замечали бы ее, как воздух, которым дышат, за нее не приходилось бы бороться, не было бы страданий, порожденных несправедливостью. Таким образом, задача этой статьи – взглянуть на сегодняшние проблемы справедливости/несправедливости и отметить как ее универсальные «острые вопросы», так и те новые ракурсы темы, которые ярко проявились в мире в XXI в.

Многоликая справедливость: как ее понимать? В последние десятилетия вопрос о справедливости постоянно поднимается на страницах теоретических журналов, в монографиях и диссертационных исследованиях, причем обращаются к теме справедливости как философы с социологами, так и политологи с юристами. Назовем имена хотя бы некоторых из них: А. В. Агошков (Агошков, 2016), В. Н. Аргунова (Аргунова, 2004), В. В. Булгаков и Д. В. Булгакова (Булгаков, 2020), В. Г. Гречихин (Гречихин, 2020), Е. В. Карчагин (Карчагин, 2015), М. С. Кочергин (Кочергин, 2009), Е. А. Сачкова (Сачкова, 2013), Г. Г. Сляян (Сляян, 2007), М. Т. Степанянц (Степанянц, 1996), О. А. Торосян (Торосян, 2015) и др. Это и понятно: в сюжете справедливости скрещиваются и пересекаются многие аспекты социальной жизни, к тому же этот феномен культуры несет в себе многоплановое сочетание *субъективного и объективного*. Еще Аристотель, к идеям которого восходят современные рассуждения о справедливости, отмечал: «...Справедливость – понятие относительное и различается столько же в зависимости от свойств объекта, сколько и от свойств субъекта...» (Аристотель, 1983. С. 459).

Действительно, в первом приближении, если отрешиться от древнего, еще досократовского натуралистического видения, справедливость выступает как *субъективное состояние*, как *переживаемое чувство*. Это в равной степени может быть чувство моральное, высокое, прямо соотнесенное с ценностью воздаяния по заслугам, но также чувство неудовлетворенной амбиции, зависти, гнева, выступающих как ощущение несправедливости, это негативные эмоции и внутренний дискомфорт.

В то же время справедливость/несправедливость – это деятельное и практическое *отношение* между людьми, тип межличностной связи, в которой либо осуществляется, либо не осуществляется воздаяние по заслугам или обеспечение равной доли.

Не менее важен такой лик справедливости, как *то, что она является в конкретный исторический период устойчивым типом связи человека и общества* (группы, сообщества), который тесно переплетен с установленными законами, писаными и неписаными.

Справедливость – это также вид *моральной добродетели*, в то время как ее противоположность – несправедливость – поведенческий и нравственно-психологический *порок*.

Надо заметить, что при всем этом мы прекрасно понимаем, о чем идет речь, когда звучит слово «справедливость». Мы воспринимаем справедливость/несправедливость как *оценку*, идущую извне, которая либо соответствует нашему ощущению себя в мире как достойного неких благ, либо не соответствует этому ощущению. Это оценка-мера, способ установить *личное соответствие* каждого из нас или нашей референтной группы неким *социальным ценностям-требованиям*, оценка, чреватая приобретением благ для удовлетворения наших потребностей либо, напротив, наказанием в виде лишений и страданий. Чувство того, что нечто справедливо, означает для нас *правильность данной оценки*, будь то оценка со стороны социума, направленная на нас самих или на значимых других. *Быть справедливым* в этом смысле значит *давать правильные оценки*, поощрять тот тип поведения, который оказывается позитивным и для личности, и для общества: «справедливое» призвано вести к осуществлению такой ценности, как *гармония между людьми*.

Со времен того же Аристотеля справедливость, взятая как отношение между индивидом и обществом, рассматривается через представление об *уравнительности* и *воздаянии*. Равенство людей в отношении благ и возможностей – лишь одна сторона справедливости, которая обеспечивает выживание и функционирование сообщества, другая сторона – это так или иначе *неравенство*, которое тоже способно быть справедливым, ибо люди не равны ни по способностям, ни по умениям, ни по усилиям, ни по доле своего вклада в культуру и общество. Равенство/неравенство всякий раз создают конкретную конфигурацию отношений, о которых мы судим как о справедливых либо нет. Другой вопрос, что исторически возникшие отчуждение труда и частная собственность вылились в такой *устойчивый вариант социального неравенства*, которое вышло за пределы различия личных способностей, стало всеобщим и закрепленным наследственно, а значит, несправедливым.

Явная несправедливость, основанная на заведомом неравенстве материального и социального положения, в конкретных обществах и культурах получала тем не менее вид порядка, освященного Богом, традициями и самим мироустройством, как это происходит в любом виде сословного иерархического устройства, классическим примером которого является европейское Средневековье. Соотношение уравнительности и воздаяния всегда конкретно, оно в огромной степени заточено под конкретную ценностную иерархию и совокупность массовых установок сознания («что положено Юпитеру, не положено быку»). В феодально-сословном обществе крестьяне, соперничая друг с другом, редко завидовали аристократам: «Баре – это другое». Хотя вопрос о *материальном неравенстве* как источнике возмущения и протеста, бунта и борьбы за справедливость вознаграждения становился актуальным во все времена. Капитализм, завоевав за несколько веков весь земной шар, характеризовался и характеризуется как раз тем, что стал маскировать реальное неравенство и несправедливость как бы равенством всех перед невидимой рукой рынка.

Современное рыночное общество, являясь высокотехнологичным и информационным, аплодируя весь XX в. идеям гуманизма, на самом деле сохранило весь набор отношений неравенства и несправедливости, характерных для предшествующих «эпох отчуждения» (К. Маркс). Более того, оно усилило несправедливость распределения благ, создав как «золотой миллиард», так и группу сверхбогатых кланов, оказывающих большое влияние на ход сегодняшней истории. Не надо быть конспирологом, чтобы понимать, что несправедливость в распределении богатств и возможностей только ширится. Поэтому несколько наивными и идеалистическими выглядят даже знаменитые теории справедливости, подобные теории Дж. Ролза, когда он пишет, исходя из классических либеральных положений о равенстве свобод и прав индивидов, что «все социальные ценности – свобода и благоприятные возможности, доходы и богатство, социальные основы самоуважения – все это должно быть равно распределено, кроме тех случаев, когда неравное распределение любой или всех из этих ценностей дает преимущество каждому» (Ролз, 2010. С. 67). Из классической либеральной идеи исходит и Р. Нозик, когда он утверждает: «Никто не имеет прав на что бы то ни было, что требует использования труда и собственности других людей» (Нозик, 2008. С. 183). Звучит прекраснодушно, но нельзя не согласиться с С. С. Шушпановым, когда он подчеркивает: «Выявляя излишнюю абстрактность теории Дж. Ролза, Р. Нозик сам увлекается абстрагированием, поскольку не принимает во внимание иные объективные закономерности социальных

и межличностных отношений, не связанные с собственностью» (Шушпанов, 2015).

Какие же универсальные факторы стоит учитывать, размышляя о судьбах справедливости как вообще, так и в современных условиях?

1. Справедливость в реальном мире, наполненном борьбой интересов и конфронтацией, не может быть понята вне *той системы ценностей и предпочтений, интересов и целей*, которые настоятельно преследуют социальные субъекты. Общее (общечеловеческое) нормативное представление о справедливости – лишь самое общее русло, неизбежно абстрактное и потому бездейственное в ситуации конкретных конфликтов. Если субъекты (группы или даже индивиды) сознательно не желают стать на место партнера (противника, конкурента), посмотреть на ситуацию его глазами и настойчиво искать компромисс («общую справедливость»), который удовлетворил бы даже не обе, а, возможно, все стороны взаимодействия, возникает лишь столкновение, где «твоя справедливость – это моя несправедливость». Однако для этого надо осознать свои и чужие ценности и идти либо на компромисс (уступку), либо на нахождение «общего ценностного пространства». Нередко же конфронтация на почве столкновения «разных справедливостей» оканчивается ситуацией, описанной в давнем стихе так: «В этой речке утром рано утонули два барана». Как и любой вопрос, связанный с коммуникацией, вопрос о справедливости не решается без учета чужих интересов, а учитывать ли их и насколько – это всякий раз конкретное ситуативное решение определенных субъектов – социальных групп, политических партий, властных структур, отдельных индивидов. Сказанное касается вынесения любых оценочных суждений (справедливо/несправедливо), в том числе решений суда, где судьи так или иначе занимают определенную точку зрения, но не должны терять из виду интересы и стремления второй стороны. У разных ценностей и интересов надо искать единую «сферу между».

2. Если же с позиции *одних и тех же ценностей* ставится вопрос раздачи наград и наказаний («всем сестрам по серьгам»), то определение меры справедливости сталкивается в рамках уникальной ситуации с другим вопросом: с *количественной* мерой соответствия тех или иных поступков разделяемой ценности. Был ли человек ревностен в ее осуществлении? Оставался ли нейтральным или же способствовал низвержению ценности – в силу эгоизма или «перехода на сторону оппонентов»? Принцип справедливости нередко при таком оценивании нарушается, потому что сознательно или неосознанно оценка складывается под влиянием личных предпочтений, недостатка информации или домыслов.

Тогда и получается то, что описано старой горькой шуткой: «Восторг, смятение, наказание невиновных и награждение непричастных».

3. Нормативные теории справедливости, как правило, рассматривают участников взаимодействия и взаимного оценивания как *рациональных* существ, здравых и нацеленных на баланс взаимоотношений. Но люди в массе, хотя и обладают сознанием, *не являются рациональными агентами*. Они охвачены желаниями, мечтами и страхами, их терзают амбиции, тревожат подозрения, их стимулирует жажда превосходства, победы, реванша, они стремятся возместить нанесенные обиды – реальные или мнимые. Суждением о том, что справедливо, а что нет, заняты субъекты, охваченные «безразмерными страстями» (Фромм, 1993) – жадой богатства, господства, славы, власти и т. д. Подлинная беспристрастность – редкая удача как при суждениях с позиции «две ценностные системы – две справедливости», так и с позиции «кто более соответствует требованиям ценностей». Сколько бы мы ни рисовали в своем воображении образ кристально чистых, свободных и разумных агентов взаимодействия, в реальности – очень подвижной, пронизанной потребностями и интересами – они такими не будут. Они всегда намного сложнее и одновременно несовершеннее. Вопрос о справедливости часто упирается в *готтентотскую мораль*: если ты соблазнил мою жену, это плохо, если я твою – это хорошо. Подобного рода *двойные стандарты* разрушают саму возможность справедливости, потому что приверженцы готтентотской морали придерживаются исключительно собственных интересов, их рациональность крайне узка, они заняты лишь собственным процветанием, нередко пренебрегая не только чужими интересами, но и общими условиями выживания и процветания. Ради субъективной сиюминутной выгоды они охотно жертвуют другими людьми и совместной атмосферой благополучия. В наши дни мы ярко видим это в международной политике, когда коллективный Запад, преследуя собственные экономические и политические интересы, обрушивается на Россию и Китай с несправедливыми сфальсифицированными обвинениями, измысливает как вину, так и грядущие кары, при этом заставляя мир балансировать на грани войны.

4. В практической жизни общества баланс справедливости/несправедливости нередко *субъективно склоняется* в сторону последней. Большинство, что называется, обывателей полагают, что мир, страна, власть, жизнь, начальники, соседи, родственники и супруги к ним *несправедливы*. Не в одном, так в другом, не в другом, так в третьем. Есть такая шутка: справедливее всего в мире распределен ум – никто не жалуется на его отсутствие. Однако, судя по всему, все остальное

роздано несправедливо, и мало кто может, подобно обезьяне из старого анекдота, где Бог разделил всех зверей на умных и красивых, удовлетворенно сказать: «А я и умный, и красивый!». Людям в массе представляется, что им чего-то недодали («зимою – лета, осенью – весны»), т. е. были к ним *несправедливы*. Чтобы убедиться в этом, нужно просто зайти в социальные сети и час-другой почитать посты, где пользователи дружно жалуются на несправедливость реальности, причиненные другими обиды, недооценку, равнодушие и отсутствие поддержки. Понятно, что все авторы постов полагают, что достойны лучшего. И в ряде случаев это действительно так, но нередко жалобы на несправедливость выступают проявлением завышенных притязаний и невротических требований. Вечно обиженные на несправедливость к ним человечества, как правило, не бедны в материальном смысле, не гибнут в борьбе за существование, а порой очень неплохо устроены, но им мало личных благ – как обеспеченности, так и признания талантов и статусов. Представление о справедливом способно меняться, амбиции – расти, претензии – повышаться, и все это делает жизнь «все несправедливее и несправедливее». И здесь есть два противоположных принципа, мера соотношения которых всегда определяется личностью конкретно. Один принцип «все больше и больше!», другой – «доволен тот, кто умеет довольствоваться». Оба принципа в их радикальном прочтении негативны, потому что ведут к абсурду: первый – к супертребованиям, второй – к супертерпимости, и перед человеком всегда стоит проблема их соизмерения применительно к себе, чтобы сказать: «Жизнь справедлива ко мне, а я справедлив к жизни».

5. Погружение в переживание несправедливости вызывает естественное желание найти виновных и наказать обидчиков, т. е. справедливость восстановить. Действительно, сверхбогачи, которые не желают ни с кем делиться своими супердоходами, возникшими на базе эксплуатации, неправедные судьи, жестокие угнетатели и бессердечные начальники всем своим образом жизни и поведением воплощают несправедливость. Все революции и бунты в истории возникают как результат стремления сделать мир справедливее. Однако в споре противоборствующих сторон (угнетателей и угнетенных, высших и низших, доминирующих и подчиненных), как мы уже отметили, возникают противоположные представления о справедливости. Нежелание, а порой и объективная невозможность поиска компромисса вызывают ожесточение, и иногда борьба за справедливость оказывается самой большой несправедливостью на свете. В частности, со стороны более сильного агента действия по отношению к противнику под флагом справедливости применяются дискриминация, репрессии, преследования, игнорирование,

самые разные варианты сегрегации и диффамации, а также просто истребление. Если ситуация переворачивается, то все перечисленное получает поверженный противник. Вспомним хотя бы красный террор, который шел волной навстречу белому террору. И каждая сторона считала, что борется за справедливость и добро, но в этих сражениях жертвами величайшей несправедливости становились ни в чем не повинные люди, которые вообще не участвовали в экономической и политической драке.

6. Поскольку тема справедливости пронизывает практически любые человеческие отношения и оценки, то важным гносеологическим сюжетом, связанным со справедливостью, является вопрос о *характере меры*, которая применяется для того, чтобы суждение было справедливым. Суждения и решения, призванные устанавливать справедливость, должны сопоставлять явления и ситуации, не сопоставимые по качеству, совершенно порой разнородные, а безличная количественная мера – деньги – тоже нередко оказывается далека от идеала справедливого вознаграждения. К примеру, деньги, являющиеся символом и воплощением потенциальных возможностей, и прагматический рынок, который хорошо работает в чисто экономическом спектре, не способны стихийно и спонтанно адекватно вознаградить людей, чья деятельность выходит за рамки экономических параметров: ученых-теоретиков, преподавателей, деятелей культуры и искусства. То, что не продается как горячие пирожки, остается в рыночном обществе за пределами справедливого распределения вознаграждений: мы знаем, как низки доходы учителей, врачей, сотрудников всей социальной сферы.

Вопрос о справедливой оплате труда очень остро стоял в Советском Союзе, он стоит остро в сегодняшней России, где, в частности, работники образования находятся в довольно нищенской ситуации, впрочем, диспропорции и перекосы в вопросах справедливой оплаты остаются актуальны для всего мира. Эксплуатация – это ведь и есть главная несправедливость, когда от человека берут куда больше, чем возмещают. Понятно, что господство несправедливого рынка в ручном режиме компенсируется работникам разного рода льготами, которые дают управленческие структуры и власть, но не секрет, что и за оплату, и за льготы нужно бороться, для чего в свое время в конце XIX – начале XX в. было создано профсоюзное и социал-демократическое движение. К сожалению, само оно сильно подвержено коррупционной коррозии, что подрывает его эффективность как «орудия справедливости». И все же: как количественно измерить трудовые заслуги, чтобы вознаграждение было справедливым? Когда нужно повышать оплату труда и когда снижать ее? Исторический опыт показывает, что представление о большей стои-

мости сложного труда не всегда оправдывает себя, что порой до небес (вразрез со справедливостью) взлетает оплата деятельности, которая просто ситуативно востребована, как и продукта, который прост и примитивен. Думается, здесь остается много открытых вопросов, на которые пока нет ответа.

Перейдем, однако, к более узким, но актуальным сюжетам современности, к тем коллизиям, которые ярко проявились в последние годы.

Проблемы справедливости в эпоху переоценки ценностей

Эпоха переоценки ценностей была заявлена еще в конце XIX в. Фридрихом Ницше (Ницше, 2005). Ницше имел в виду избавление от диктата христианской морали и возвращение к брутальным и страстным языческим отношениям, но нельзя сказать, что он радикально отказывался от любой традиционности и отвергал заветы предков. Напротив, его властно влекла античность, он ценил мощь и власть, а наследовавший часть его идей XX в. так и прометался между ницшеанской, вполне исторически укорененной свирепостью и светским гуманизмом. Лишь 60-е гг. прошлого столетия подвели «европейское человечество» к пониманию более масштабной переоценки ценностей: к радикальному отказу от любой традиционности, к сокрушению всех привычных установок, к полному отказу не только от разума, но и от воли, потому что «шизопотоки» (Делез, 2007) за себя отвечать не могут и, стало быть, не могут проявлять властных волевых устремлений. Когорта французских авторов-постмодернистов, хотя и выглядела как сообщество ёрничающих фигляров, на самом деле оказала огромное влияние на ценностные ориентиры целых поколений, спровоцировав, усилив, простимулировав стремление определенных культурных и политических кругов к попытке окончательного *слома аксиологических устоев человечества*. Можно спорить о том, в какой мере французский постмодернизм был отражением объективных процессов, а в какой – инициативой круга интеллектуальных маргиналов, но он, несомненно, дал зеленый свет попытке переорачивания общечеловеческой ценностной пирамиды с ног на голову.

Итак, взглянем коротко, какие «ценностные кульбиты» привели в последние годы к новым видам несправедливости, хотя надо признаться, что не все они восходят к постмодернистским философским экспериментам, иные коренятся куда более глубоко – в господстве технократизма, специфике современного рынка, в тенденциях правящих элит к сверхобогащению и т. д. Отметим также, что возникновение новых видов несправедливости также само по себе имеет следствием ценностную

перезагрузку, т. е. процесс идет в обе стороны, и не всегда до конца можно понять, где причина, а где следствие.

1. *Перемещение темы несправедливости в гендерно-половую сферу.* Как мы уже отметили, важнейшим сюжетом справедливости/несправедливости испокон веков выступала тема распределения материальных и социальных благ, т. е. вопрос о бедных и богатых, о возможностях карьерного роста, о благополучии семей и возможности жить обеспеченно. Тема полового неравенства и ролей, исполняемых в обществе и культуре мужчинами и женщинами, до XIX в. не была предметом большого общественного интереса, хотя в разные эпохи и в разных странах вопрос гендерного равенства решался по-разному. В XIX в. начинается и в XX в. активно разворачивается борьба за женскую эмансипацию, что выразилось в получении женщинами политических прав, в сексуальной революции и широком выходе женщин в общественное производство. Возникло движение феминизма, которое в одних своих проявлениях было вполне справедливым и здравым, в других же порождало образ женщины как вечной жертвы, возжаждавшей наконец реванша. При этом даже самые отъявленные феминистки, лелея «женское» и «женственное» как особое, не ставили под сомнение ценность половой принадлежности как таковой, напротив, они эту ценность утверждали. Однако «количество перешло в иное качество», постмодернистский крен к размыванию любой идентичности возобладал, и сегодня мы имеем в западных странах мощно поддержанную властями *линию на уничтожение ценности пола*: провозглашение права на доминирование гомосексуализма, лесбиянства, трансвестизма, трансгендерности. Крупные европейские страны, как и США, считают *несправедливым* относить феномен трансгендерности к отклонениям и *справедливым* преследование и наказание людей за то, что они, идентифицируя себя с конкретным биологическим полом, называют себя традиционными именами: отец, мать, сын, дочь, мальчик, девочка, мужчина, женщина. Страсти, которые нагнетаются вокруг «несправедливого отношения» к половым отклонениям, думается, призваны отвлечь внимание широких масс от реальной социальной несправедливости, которая, как мы уже сказали, никуда не исчезла, а лишь изменила формы. Понятно, что осуждение идентификации людей с их естественной половой принадлежностью не может кончиться ничем хорошим, кроме невротизации населения, падения рождаемости и последующего физического вырождения с освобождением территории для более здоровых народов. Однако бум вокруг «несправедливости» по отношению к отклонениям является лишь частью отказа от более широкой ценности – *ценности блага для большинства*.

2. Демократия как система политической власти, конечно, не является образцом совершенства и апогеем справедливости, это система, которая была признана как лучшая из наличного, просто более совершенных форм властвования человечество пока не выработало. Демократия часто фальсифицируется, вырождается в лозунг, оказывается жертвой манипуляции, подкупа, а то и запугивания масс. Она все чаще играет роль лозунга и ширмы для чего-то иного. *И все-таки* демократия предполагает, что решение вопросов власти и управления принадлежит *большинству*, что мнение львиной доли граждан оказывает решающее влияние на политику и социальное устройство, что интересы многих людей, составляющих становой хребет общества, будут соблюдены. Демократия утверждает «принцип решения большинства», приоритет его интересов. Однако при ритуальных кивках в сторону демократии современный западный мир все более принимает идею *доминирования меньшинства*, когда *более справедливым* и более приоритетным считается диктат маргиналов, малых групп, диктат прежних изгоев. Призыв к толерантности обернулся оценкой любого рода нетолерантности, т. е. несогласия с *легитимностью* психологических отклонений, как величайшей и возмутительной несправедливости. Все те же гомосексуалисты и трансгендеры поднимаются как флаг, но вполне можно предположить, что «справедливость диктата меньшинств» имеет скрытую цель: признание полнейшей справедливости диктата со стороны других малых групп – сверхбогатых кланов, международных властных элит. *Низвержение ценности демократии*, выдвигание на первый план крикливых маргиналов имеют своей задачей постепенное приучение самых широких масс к мысли, что им и вовсе не надо напрягаться, выражая свои потребности и чаяния, куда более справедливыми будут управление и решения со стороны весьма узкого круга лиц, которым вообще необязательно соответствовать массовым вкусам и предпочтениям. Справедливым и законным в таком случае оказывается не отстаивание демократии и ее завоеваний, а покорное подчинение народов неким узким «управляющим центрам», которые, вполне возможно, лишены целого ряда общечеловеческих идентичностей, но зато владеют большими материальными и властными ресурсами.

3. Третьей жертвой «ценностной революции» стала *ценность исторической правды*. Этот феномен особенно ярко проявился в Соединенных Штатах Америки. Возникновение организации BLM, ее требование исторического реванша, «новая этика» и «перезагрузка» или «пробуждение» означают, что теперь правильным и справедливым является шельмование минувшей американской истории, снос памятников и поношение военных и культурных деятелей прошлого. Это называется «*восстановлением справедливости*». Заметим, что через похожие процессы в XX в. дважды прохо-

дила наша страна: первый раз – после Октябрьской революции 1917 г., второй раз – в «лихие 90-е». Оба раза под лозунгом справедливости предшествующая история редуцировалась и пересматривалась, также сносились памятники и вычеркивались знаменитые имена. Конечно, в текущей жизни, как уже было сказано, всегда на фоне общего понятия о справедливости присутствуют как минимум две локальные «справедливости», но как раз задача историка и того, кто обращен к прошлому, не отбрасывать одну из сторон и не заменять одну другой, а разобраться в их взаимодействии, сложном переплетении, в том меланже, который присутствует в реальной жизни. С исторической дистанции это легче сделать. Если же история редуцируется в угоду какой-либо одной стороне, то, помимо прочего, возникает требование в качестве «сегодняшней справедливости» установить материальную и моральную компенсацию потомкам тех, кто пострадал века назад и, по существу, мало чем связан с событиями отдаленного прошлого. Так обстоит дело в Соединенных Штатах Америки, где темнокожие обличители минувшего выдвинули к современным европейцам требование покаяния, хотя они не имеют никакого отношения к былым злодеяниям. Думается, заставлять невинного человека каяться совершенно несправедливо. Мы можем сожалеть о деяниях предков, но мы не можем их отменить или за них отвечать. Это, собственно, не справедливость, а месть не по адресу плюс желание извлечь свою выгоду из «злобы дня». Тем более абсурдной *имитацией справедливости* выступает попытка «отменить правила математики», потому что представителям другой расы она дается с трудом. Такой «компенсацией обиды», напротив, достигается двойная несправедливость: во-первых, принижаются представители другой расы; во-вторых, подрываются их возможности получить нормальное образование, способствующее карьере. Истошные усилия «справедливой компенсации новым поколениям», как правило, оборачиваются новыми гримасами несправедливости.

4. Еще одна область радикального отказа от справедливого суждения, играющая ныне огромную роль в общественной жизни, – область *деятельности СМИ и социальных сетей*. Феномены информационной войны, информационного прессинга, массивной лжи, клеветы, фейков (обмана), дезинформации стали характеристиками нашей повседневности и уже даже никого не удивляют. Клевета и оговор, намеренное оскорбление и ложное обвинение не могут быть справедливыми, они – результат не анализа, а простой агрессии. Широко оглашаемые *бездоказательные инсинуации* попирают важнейшую ценностную составляющую справедливого суждения – его *обоснованность*. Конечно, все эти явления существовали и раньше, но они имели локальное распространение, а в наши дни, когда человечество наполовину живет в

информационном пространстве, они сделались поистине тотальны. Фактически в информационной среде куется параллельная реальность, причем реальность лживая, жестокая и отвергающая справедливое (правдивое) суждение как излишество. Выгоды различных субъектов силы – от миллиардеров до журналистов – оказываются более мощным фактором, чем потребность народов и индивидов в адекватной информации. Как вновь не вспомнить Ницше и постмодернизм с их стремлением к отказу и от истины, и от правды! Но справедливость без правды и истины невозможна, потому что она основана на достоверных представлениях о положении дел. Не только экономика и политика порождают несправедливое информационное поле, но нередко и соцсети с их личным общением становятся сферой неспровоцированных обвинений и оскорблений, которых адресаты совершенно не заслужили. Такое впечатление, что вся пресса стала желтой, а современное человечество буквально купается в море несправедливости, которая достигает каждого, вливаясь в ум и душу через экраны компьютеров и смартфонов. Можно ли этому эффективно противостоять, покажет время.

5. Последний в статье, но, конечно, не последний в реальности момент, связанный со справедливостью/несправедливостью, – это *утрата ориентации на качественные показатели*. Дигитализация и цифровизация, увлеченность количеством и количественным соревнованием, превращение рейтингов и баллов в единственную оценку крайне пагубно влияют на все: на спорт, искусство, науку, преподавательскую работу и оценку, выставляемую при образовании. Примеров несправедливой оценки, сведенной к цифири, можно приводить множество. Можно вспомнить хотя бы телевизионный конкурс «Голос», где непременно надо дать участникам первое, второе и третье места, а «худших» при этом выкинуть, хотя на самом деле во многих случаях худших нет, певцы просто разные, обладают разными достоинствами и соответствуют разным вкусам. Особенно печально наблюдать межевание на «победителей» и «неудачников» в детских конкурсах.

Почти с юмором воспринимаются в вузовском сообществе всяческие индексы Хирша, процентиля и прочие фишки наукометрии. Все прекрасно понимают, что они чрезвычайно далеки от *справедливой оценки*, порой вообще не имеют с ней ничего общего. Это – пустая формализация, удобная бюрократам-профанам, которые сами не способны дать никакую оценку теоретическому исследованию, да к тому же формализация, которая легко имитируется. Отсюда возникают специалисты с «занебесными хиршами», которых при этом никто не знает в профессии. Вообще избыточная квантификация легко поддается имитации, она безлична и, по сути, ни о чем не го-

ворит, как те высокие баллы у отличников-абитуриентов, которые на первом курсе не могут связать двух слов. Понятно, что данная им количественная оценка несправедлива, и, скорее всего, ради правдоподобных цифр кому-то достойному баллы были занижены. Человечеству, увлеченному цифровизацией, еще предстоит выработать противоядие от избыточной несправедливой формальности.

Выводы. Тема справедливости, возможно, одна из самых сложных в общественной жизни, она такова потому, что субъективное и объективное в ней многопланово переплетены, и сама справедливость нередко распадается на «мою», «твою» и «их», что приводит, в полном смысле слова, к «битве справедливостей»: чья справедливее? Это как и «битва правд», где каждая правда хочет быть единственной. В современном мире к давним и древним проблемам справедливости добавляются новые, вызванные технизацией и информатизацией общества, новыми типами отношений социальных групп, хотя ключевой вопрос об эксплуатации, находящийся в фундаменте проблемы справедливости любых обществ, пронизанных отчуждением, остается на повестке дня. Если бы люди жили дольше и 100-летие было бы чем-то вроде акме, расцвета, мой отец Всеволод Евгеньевич Давидович, несомненно, продолжал бы работать и писал бы о тех проблемах справедливости, которые возникли сегодня. Сейчас это делаю я, продолжая его дело и вдохновляясь его книгами и его образом, с глубокой благодарностью за все, чему он меня научил.

Литература

Агошков А. В. Социальная справедливость в русской литературе и фольклоре // Человек. Культура. Образование. 2016. № 3 (21) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spravedlivost-v-russkoy-literature-i-folklore>.

Аргунова В. Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 312 с.

Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–464.

Булгаков В. В., Булгакова Д. В. Идея справедливости в философии и ее проявление в праве // Социально-политические науки. 2020. № 3. С. 49–55.

Гречихин В. Г. Проблемы социальной справедливости и неравенства в современ-

References

Agoshkov, A. V. (2016). Social justice in Russian literature and folklore. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye*, 3 (21). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spravedlivost-v-russkoy-literature-i-folklore>. (In Russian).

Argunova, V. N. (2004). Social justice: value-institutional analysis. Ivanovo: Ivan. gos. un-t Publ. (In Russian).

Aristotle. (1983). *Politics. Compositions*: In 4 vols. Vol. 4. Trans. from ancient Greek A. I. Dovatur (Ed.). Moscow: Mysl' Publ., 375-464. (In Russian).

Bulgakov, V. V., Bulgakova, D. V. (2020). The idea of justice in philosophy and its manifestation in law. *Sotsial'no-politicheskiye nauki*, 3, 49-55. (In Russian).

Grechikhin, V. G. (2020). Problems of social justice and inequality in modern Rus-

ном российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5 (147) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsialnoy-spravedlivosti-i-neravenstva-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve>.

Давидович В. Е. В зеркале философии. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 448 с.

Давидович В. Е. Общество и личность. М.: Высшая школа, 1962. 52 с.

Давидович В. Е. Проблемы человеческой свободы. Львов: Изд-во Львовского университета, 1967. 245 с.

Давидович В. Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. М.: Политиздат, 1989. 248 с.

Давидович В. Е. Теория идеала. Ростов н/Д.: РГУ, 1983. 184 с.

Давидович В. Е., Аболина Р. Я. Кто ты, человечество? Теоретический портрет. М.: Молодая гвардия, 1975. 174 с.

Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория Екатеринбург, 2007. 672 с.

Жданов Ю. А., Давидович В. Е. Сущность культуры. Ростов н/Д.: РГУ, 1979. 264 с.

Карчагин Е. В. Справедливость как социокультурный феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. Социология и социальные технологии. 2015. № 4. С. 28–37.

Кочергин М. С. Феномен социальной справедливости в контексте историко-философской мысли, современного социогуманитарного знания и проблем социального бытия // Отечественный журнал социальной работы. 2009. № 1. С. 4–10.

Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык [и др.]. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.

Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 422 с.

Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ.; науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 534 с.

Сачкова Е. А. Справедливость как инструмент социальной регуляции: критерии актуализации // Философия права. 2013. № 4

sian society. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 5 (147). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsialnoy-spravedlivosti-i-neravenstva-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve>. (In Russian).

Davidovich, V.E. (1997). In the mirror of philosophy. Rostov-on-Don, Feniks Publ. (In Russian).

Davidovich, V. E. (1962). Society and personality. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian).

Davidovich, V. E. (1967). Problems of human freedom. Lvov: Izdatel'stvo L'vovskogo universiteta Publ. (In Russian).

Davidovich, V. E. (1989). Social justice: ideal and principle of activity. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian).

Davidovich, V. E. (1983). Theory of the ideal. Rostov-on-Don: RGU Publ. (In Russian).

Davidovich, V. E., Abolina, R. Ya. (1975). Who are you, humanity? Theoretical portrait. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian).

Deleuze, J., Guattari, F. (2007). Anti-Oedipus. Capitalism and schizophrenia. Yekaterinburg: U-Factoriya Yekaterinburg Publ. (In Russian).

Zhdanov, Yu. A., Davidovich, V. E. (1979). The essence of culture. Rostov-on-Don: RGU Publ. (In Russian).

Karchagin, E.V. (2015). Justice as a socio-cultural phenomenon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya i sotsial'nyye tekhnologii*, 4, 28–37. (In Russian).

Kochergin, M. S. (2009). The phenomenon of social justice in the context of historical and philosophical thought, modern socio-humanitarian knowledge and problems of social existence. *Otechestvennyy zhurnal sotsial'noy raboty*, 1, 4–10. (In Russian).

Nietzsche, F. (2005). The will to power. The experience of revaluation of all values. Trans. from German E. Gertsyk et al. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. (In Russian).

Nozick, R. (2008). Anarchy, state, and utopia. Moscow: IRISSEN Publ. (In Russian).

Rawls J. (2010). The theory of justice. Trans. from English V.V. Tselishchev (Ed.). 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo LKI Publ. (In Russian).

Sachkova, E. A. (2013). Justice as an instrument of social regulation: criteria of actualization. *Filosofiya prava*, 4 (59).

(59) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-kak-instrument-sotsialnoy-regulyatsii-kriterii-aktualizatsii>.

Слоян Г. Г. Правосудие или коммуникативный дискурс справедливости // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2007 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 184–186.

Степанянц М. Т. Справедливость и демократия в контексте диалога культур // Вопросы философии. 1996. № 3.

Торосян О. А. Идеал справедливости в социально-гуманистическом измерении : дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2015. 147 с.

Фромм Э. Человек для самого себя // Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. С. 19–191.

Шушпанов С. С. Социальная справедливость: теоретическое конструирование, российская политическая практика : дис. ... канд. полит. наук. Волгоград, 2015. 177 с.

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е. В. Справедливость: старые новые ракурсы проблемы // Гуманитарий Юга России. 2022.1 (53). Т. 11. С. 18–35.
DOI 10.18522/2227-8656.2022.1.1

Сведения об авторе

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна

Доктор философских наук, профессор
кафедры истории философии,
Южный федеральный университет

344065, Ростов-на-Дону,
Днепровский пер., 116,
e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-kak-instrument-sotsialnoy-regulyatsii-kriterii-aktualizatsii>.
(In Russian).

Sloyan, G. G. (2007). Justice or the communicative discourse of justice. *Philosophy of law in Russia: theoretical principles and moral foundations. Materials of the International Scientific Conference*. St. Petersburg, November 15-17, 2007. SPb.: Izd-vo SPbGU Publ., 184-186. (In Russian).

Stepanyants, M. T. (1996). Justice and democracy in the context of the dialogue of cultures. *Voprosy filosofii*, 3. (In Russian).

Torosyan, O. A. (2015). The ideal of justice in the socio-humanistic dimension. (Candidate Dissertation, Ivanovo). (In Russian).

Fromm, E. (1993). A man for himself. *Psychoanalysis and ethics*. Moscow: Respublika Publ., 19-191. (In Russian).

Shushpanov, S.S. (2015). Social justice: Theoretical construction, Russian political practice. (Candidate Dissertation, Volgograd). (In Russian).

История статьи:

Поступила в редакцию – 10.12.2021 г.
Получена в доработанном виде 20.01.2022 г.
Одобрена – 02.02.2022 г.

Information about author

Elena Vsevolodovna Zolotukhina-Abolina

Doctor of Philosophical Sciences, Professor
of the Department of History of Philosophy,
Southern Federal University

116 Dneprovskiy Lane,
Rostov-on-Don, 344065,
e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru